

18+

Николай Боровой

ЛАБИРИНТЫ СУДЬБЫ

Сборник стихов 2014–2016 годов

Николай Боровой

**Лабиринты судьбы. Сборник
стихов 2014—2016 годов**

«Издательские решения»

Боровой Н. А.

Лабиринты судьбы. Сборник стихов 2014—2016 годов /
Н. А. Боровой — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986818-3

Политические памфлеты и исповедь, философский взгляд на жизнь и мир,
трепет перед таинством звуков и лица великих городов — все это перемешано
в предстающих читателю стихах с лабиринтами и вехами судьбы автора...

ISBN 978-5-44-986818-3

© Боровой Н. А.
© Издательские решения

Содержание

ПУТЬ	6
ВЕСТОЧКА	8
ВОЗВРАЩАЮСЬ К СЕБЕ?...	10
К ПОДРУГЕ...	12
КОММЕНТАРИЙ	20
ОДА К ОКРЕСТНОСТЯМ КОРИНФА	24
К ОСЕНИ...	26
НАВЕЯНО ПАМЯТЬЮ, НАСТОЯНО НА НАСТОЯЩЕМ...	28
ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА...	31
ОКОНЧАНИЕ ТОГО ЖЕ РАЗГОВОРА...	35
ПРЕДЧУВСТВИЕ	37
ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ	39
СТРАННОЕ...	41
КСЕНИИ СОБЧАК, В «ЛИЧКУ»	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лабиринты судьбы
Сборник стихов 2014—2016 годов
Николай Андреевич Боровой

© Николай Андреевич Боровой, 2020

ISBN 978-5-4498-6818-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЬ

По поводу Льва Рубинштейна, Андрея Макаревича, «пятой колонны» и «национал-предателей».

**Бывают эпохи, бывают мгновения,
Бывают такие жестокие дни,
Когда лишь глухие слова покаяния,
Слетевшая с уст нестерпимость признания,
Поднявшись над страхом толпы осуждения,
Над страхом гонения, злобы, забвения,
Любви к своей родине странно сродни.
Бывает такое, когда и не хочется —
Найдите, кто хочет судьбу испытать! —
Но совесть и разум – как ад одиночества,
А трезвость суждений – как мука пророчества,
Принудят сурово и может бессмысленно,
Совсем не геройски, а просто и искренно,
С другой стороны поднебесности встать.
Напротив холуйства, сердец лицемерия.
Напротив кичливых, слезливых рабов.
Напротив их криков, вождей обожания,
Их жутких образчиков для подражания,
Их подлых пристрастий, плевков и презрения,
В свободу, достоинство, совесть неверия,
Напротив их лживых и косных умов.
Напротив их идолов, бесов, предателей,
Иконок, подьячных, лубочных божков.
Напротив их лидеров, жизни учителей,
«Моральных» и «благообразных» растлителей.
Напротив «подручных», «заплечных», карателей,
Портянок их совести и обязательно —
Напротив фашистских святынь и флажков.
Пускай их фашизм под священное прячется,
Пускай они крестятся «кровью отцов»,
Пускай патриарх, или тот кто им значится,
Благословляет фашистское рвачество,
Пускай отпускает грехи и греховища,
Пускай нарекает «святыми» чудовища
И крестит напутственно их бесовство...
Пред силою совести – их лишь бессилие,
Над реками лжи властна горечь ума.
Пускай их умелая ложь – в изобилии,
Пускай она словно бы неуловимая,
И чуткому уху то не различимая,
И все, что вокруг – ее тьма и насилие,
Пред богом в душе – лишь сгореть ей дотла.
В проклятии мира, людского предательства —**

**Таков этот мир, что поделаешь с ним! —
В судьбы нестерпимых подчас обстоятельствах,
Ее искушениях и измывательствах,
Нам богом оставлены будто спасение —
Суждение, совести власть и сомнение,
Как будто маяк в нашем сложном пути.
Бывает такое, когда нету выхода —
Как совесть предать, ведь прикажет она! —
Когда только ложь и бессовестность выгодна,
Когда шум толпы избавляет от выбора,
Но вот же: бессмыслица или достоинство,
Позорная гибель иль жизнь по совести,
Без совести жизнь – уж так ли нужна?
Как жизнь, дилемма – проста и страшна...**

ВЕСТОЧКА

Привет тебе, мой друг далекий,
Передаю я очень странно —
То музыкой, то словом горьким,
То снимком молодости старым...
Таков уж я, не обессудь...
Немало пережито было,
Немало стискивало грудь,
И глубоко под сердцем ныло...
Немало слезы пролились —
Тоски бессменные подруги —
В написанном – и даль, и высь,
И боль, и счастье, и недуги...
Бывало всякое, увы.
Немало, чувствую, и будет,
И потому – как есть прими
Исповеданье горьких буден.
Не только горе пережил,
Бывало всякое, бывало.
Надежды, страстные мечты
Мое «не камень-сердце» знало.
Немало есть того, что стоит
Не усомнясь – благословить,
Немало сделано такого,
Что и не чаял пережить.
Таков наш путь, а в нем загадка:
В пылании боли – постигать,
Любить – тоскуя, и страдая —
Бороться, верить, создавать.
И в глубине души усталой
Хранить любви последний свет,
Судьбой уложенным на плаху,
Суметь судьбе промолвить «нет».
На дне бездоннейших мучений
Находишь силы, свет, надежду,
А берег жизни – в зле скитаний
Порою, кажется, безбрежных.
Поэтому – не обессудь,
На этот раз я в «до миноре»
Передаю тебе ноктюрн
О давнем, пережитом горе.
А может быть и не ноктюрн...
Скорее – долгую сонату
И вдохновенную тоску
В забытом темпе *moderato*.
Пожалуй – хватит для привета,
Не стоит вечер утомлять,

**Когда прочесть сумеешь это,
Иди мой друг старинный... спать.**

ВОЗВРАЩАЮСЬ К СЕБЕ?...

Когда пишу – душа светлеет...
Из омертвелости судьбы,
И из под боли онемелой
Родятся стройные ряды.
Так где же – в скитаньях будней, я
В их маетливой пустоте,
Или в мгновеньях этих чудных,
В их глубине и чистоте?
Так кто же – глухой душою я
Скиталец в таинствах судьбы,
Вот этой самую судьбою
Спаленный сердцем раб... судьбы?..
Иль я, и достоин человек
Меня настигший день прожить,
И вопреки всему способен
Себя и путь свой не забыть,
Не растерять души горенье,
Любви великий, скорбный дар,
И вдохновенное воленье
Явить как чудо, как угар,
Как сладость или как безумство,
Что высшей сладости полно,
Как смыслолюбство, горькодумство
Как духа терпкое вино?..
Так я еще могу, способен
Мгновенье вечностью пронзить,
И в буднях низостных, убогих,
Хоть на мгновенье смысл явить?
Так значит жив я, и способен
Надежды призрачный контур,
В грядущих далее горизонтах
Мазком наметить, пусть и робким?
Привычным ямбом льются строки...
Банально?... может... ну так что ж!
Правдивых чувств пути-дороги
Бывают вытоптаны все ж...
Пускай иду я колеєю,
Что стоптана передо мной —
Как жизнь, как смерть, как страсть, как горе,
Как испытание судьбой.
Пускай банален слог, но сердце
Пылает искренним огнем,
И потому мне извинится
Невольный ритмики «заем».
Благословенно же мгновенье,
В котором мукам вопреки

**Во вдохновеньи, как моенье,
Родятся стройные ряды...**

К ПОДРУГЕ...

*Ну, что сказать, мой друг прелестный?
Ты знаешь сам уже давно:
Наш мир безумный, но чудесный
исправить нам не суждено.
Уж коли выпала нам доля
Такою жизнью прожить...,
То – наша воля – Божья воля,
а Божья воля значит- БЫТЬ!*

М. Ицикович, поэтесса.

**Пишу тебе ответ, подруга,
Я впопыхах, уж извини
За стиль, но пару чистых звуков
Похоже – выну из души.
Так надо нам писать, Марина?
А для того, что бы писать —
Дышать работою незримой
Души нам нужно, и страдать,
Нам нужно помнить о далекой
И неизбежнейшей судьбе,
В минутах редких, одиноких,
Нам нужно думать... о себе...
О жизни... смерти... о дороге...
О том, что «вблизи» не увидеть...
Работать нужно, думать, помнить,
Решиться чувствовать, страдать,
Отбросить быта утлый праздник,
Забвенья слабость и суметь —
Хоть это больно и ужасно —
В обличье жизни посмотреть.
В ту правду горя, испытаний,
Великой ценности ее,
В тот ужас смерти и незнанья
Как жить нам и куда идем,
Которые желаем, *не зная*
От них трусливо воротим
И ум, и совесть, забывая
О нашем подлинном пути...
О том пути, перед которым
Нас ставит тайна... нас самих...
И той задумки нашей (богом?...) —
Которую мы не постичь,
Но воплотить лишь только можем —
Живя не праздно, на века,**

По совести, любви... да... сложно
Но в этом смысл... что же нам —
Ждать смерти?! Это ли не подлость?!
Бесследно сгинуть, будто нас
И не было на свете вовсе?!
Так можно жить, спрошу я вас?!
Мы можем в сердце примириться
С таким уделом?! В этом смысл?!
Былинка к смерти волочится,
Ее лишь «ждет» – чтоб я так жил?
Как нужно жизнь не ценить нам,
Что бы такой удел принять!
Какою силою забыть
Чтоб «просто жить»... и смерти ждать,
Чтоб заглушить и ум, и совесть
И к жизни страстную любовь,
И честь... все то, что вместе с горем
В нас восстает все вновь и вновь?
Не в этом ли цинизм презренный,
Преступной трусости дитя?
Грех трусости, мы знаем – первый,
Он не дает нам жить... любя.
*Цените ж жизнь, ее любите,
И для того, что бы любить,
Мгновенья жизни проживите
Творя, чтоб после не забыть.*
Нельзя использовать, что любишь,
Ему возможно лишь служить,
Рождать в исканьях... жить не «всуче»...
Творить... вот это значит . *жить*
Талант жесток, и выбирая
Покой, забвенье, быта власть,
Мы вдохновение теряем,
Нам просто нечего сказать.
Мы сами и не замечаем,
Как власть над нами дней пустых
Нас изнутри опустошает,
Как мы становимся мертвы.
Мертвы нутром, душою, духом...
Не испытать... не пожелать...
Влачат свой век *живые трупы*,
Им не любить, и не страдать,
Не отвергать им, не стремиться,
Не петь, охваченным тоской,
Как смерть души в ней воцарился
Один лишь благостный покой.
Как будто нет простой печали —
Проходит жизнь и ближе смерть,
Жить – будто жизнь не замечая,

Будто не страшно умереть.
Живешь – страдай... терзайся... мысли...
Стремись... душой не онемей...
Ужасна смерть, но смерть при жизни
Еще ужасней и страшней.
Откуда ж взяться вдохновенью?
Живи нутром, открытым будь
Неповторимому мгновенью —
Глядишь, напишешь что-нибудь.
Вместе с задумием о жизни,
Бурленьем духа и души,
В постылой будничной трясине
Мы губим то, *чем пишем мы.*
Привычка к будням – омертвенье,
В ней гибель духа и любви,
В ней безразличие к мгновеньям
Бесценным жизни и пути.
Покорность грех, и тут загадка —
Мы «богом» приговорены
К абсурду жизни, тот же «бог в нас»
Восстать велит против судьбы.
Таков закон – то заставляет
Нас отрицать, искать, страдать,
Что «богом в нас» мы называем,
В чем наша подлинная статья.
Проклятье – разум и свобода,
Проклятие – любовь и совесть,
И в человечности – не благо,
А испытание и горечь.
Но что за странная загадка,
В чем смысл ее, стремлюсь понять я —
Узнать свободу как страданье,
А человечность – как проклятье?
Таков уж путь наш в мире этом,
Нам не понять его вовек —
Не стать не можешь человеком,
И проклят тем, что человек.
Тут и соблазн, и испытанье —
Не всякий путь готов принять,
Себе мы часто изменяем
Из нежелания страдать.
Когда покорно принимаем
Удел наш в быте, его рок,
Мы против жизни преступаем,
Против любви, свершаем зло,
Мы святость жизни оскверняем,
Что в буднях поправа и так,
Покорность – грех, отупеваем
Мы духом в будничных грехах,

Любовь в нас к жизни умирает
Вместе с готовностью страдать
И, ценность жизни понимая,
Проклятье будней отрицать.
Против него свобода, совесть,
Пред жизнью трепет, к ней любовь
Восстать нас тянут... в этом может
Достоинства последний взлет,
И с этим взлетом вдохновенье
Приходит в тягостные дни...
Нет, друг мой – *неповиновенье*
Абсурдной данности судьбы,
Восстать способность – вот он «бог» в нас,
Ведь отрицание – да, да! —
Есть сила, что «свершает благо,
Как будто бы желая зла».
Да вообще – не стоит «всеу»
Загадку жизни поминать.
Мы часто говорим о «боге»
Что бы оправдать. *безбожность*
Ведь в обывательстве – ! *безбожность*
Когда великий жизни дар
Бездумно втаптываем в пошлость,
Меняем на страстей угар,
Когда в погоне за напрасным
Мелькают будни коротки
Мы – знай же, друг прекрасный —
От «бога» очень далеки.
Тебе не думалось, Марина,
В тиши умильных вечеров,
Что удовлетворенность бытом
Есть грех, а вовсе не любовь?
Покой – как к жизни безразличность...
Какой покой? Есть смерти власть...
Священна жизни единичность,
И «упокоиться» – лишь пасть...
Поверь же в силу отрицанья —
Последняя опора в ней,
Она с надеждой умирает,
С любовью к жизни... верь-не верь...
Пока еще жива любовь в нас,
Мы отвергаем будней рок,
Бессмыслицею предстает нам
Бегущих к смерти дней поток,
Безлико сгинувших, бесследных,
Как жертва смерти на алтарь...
А вместе с ними незаметно
Уходим мы в немую даль
Небытия или забвенья,

Что в общем где-то суть одно...
И только силой вдохновенья
Судьбу оспорить нам дано,
Плодами жертвы и исканий,
Самозабвенного труда,
Ночных мучений и терзаний,
И непокоя... вот беда!
Если страдать еще мы можем —
Любовь в нас, зная, не умерла,
Покой, Марина, очень ложен,
С ним утекают как вода
Мгновенья жизни, с ними ж *, вечность*
Так не преступен ли покой?
Жутка дороги быстротечность,
Страшит конец... долг ясен мой!
Мне умирать и расставаться,
Уйти в «ничто», таков у ж рок,
И нужно все же остаться *быть*
В том, *. чем ты был и что ты смог*
Пред смерти ликом мы лишь властны
Оставить и жить не зря. *жизнь*
Когда мы к смерти безучастны
Над нами властвует она.
Вот парадокс, вот жизни тайна —
Мы примиряемся тогда
С влаченьем будней, когда даром
Любовь в нас к жизни умерла.
Любовь и разум – вот страданье,
Проклятый дар! Но им лишь жить,
Его сурово испытанье:
О смерти думать – жизнь любить.
В любви – призыв быть непокорным
Привычной будней пустоте,
В любви – порыв к противоборству
Всевластью времени, судьбе.
Мир очень сложен, неизменчив,
Рок – он как есть, и надо *... быть*
Ты пишешь... В этом изреченьи —
Влачить лишь жизнь, но не любить .
Влачить, приняв судьбу как данность,
Склонясь пред властью пустоты,
Как будто право жить – подачка
И милосердие судьбы.
Прими, мол, червь, удел, который
Мир милосердный ниспослал,
И счастлив будь, что *, доколе есть*
Тебя суд смерти не нагнал.
А что с судом прикажешь делать?
Неотвратимый, будет он...

С чем перед ним предстать, где смелость
Взять перед жуткою судьбой?
Не в том, чтоб *быть любой ценой*
Людских сердец большая сила,
А в том, что быть самим собой,
Не преклонившись перед миром,
Пред будней тяжкой пустотой,
Мученьем дней по-адски длинных,
Пред той бессмысленной судьбой,
Что называется кончиной.
Терпеть бессмыслицу не споря —
Тут нет любви, лишь стыд и боль.
В протесте же – любовь и совесть,
Достоинство, как ты не спорь.
Так значит просто страх – подумать,
Увидеть путь, конец, судьбу,
И жить любя, творя, не «всуге»?
Как жить со страхом – не пойму.
Покупки, дети, дом, работа,
Квартиру новую купить,
Поехать в отпуск – вот забота,
Вот о чем думать, вот чем жить!
Но посреди бесчинств безумных,
Забот привычных и ролей
Проходит жизнь !!! Сейчас – не думай,
Смотри, потом... *... не пожалей*
Пред смертью, друг мой, одиноко
Мы предстаем в конце пути,
Лишь в том, как пройдена дорога,
Дано спасение найти.
Пред смертью – суд наш и расплата,
Пред ней ответ за жизнь и путь,
За то, что смог ты, то, чем стал ты...
За то, чем был... не обессудь.
Мы забываем вдохновенье
По омертвлению сердец,
Познав всевластие забвенья
В быте... это ль не конец?
Когда не спишь, живешь душою,
Страдаешь, думаешь... да, да —
Себя откроешь «непокою»,
Оно и пишется тогда!
Поэта путь, увы, – особый,
Он среди будней забытья,
Своей душою обнаженной
Открыт страданьям бытия.
Погонным метром льются строки...
Тут не талант – одна лишь боль,
Кипенье мыслей одиноких...

Так что прими как есть... изволь.

КОММЕНТАРИЙ

*Все люди, как книги, и мы их читаем,
Кого-то за месяц, кого-то за два.
Кого-то спустя лишь года понимаем,
Кого-то прочесть не дано никогда.
...Кого-то прочтём и поставим на полку,
Пыль памяти изредка будем сдувать...
И в сердце храним... но что с этого толку?
Ведь не интересно второй раз читать.
Есть люди-поэмы и люди-романы,
Стихи есть и проза – лишь вам выбирать.
А может быть, вам это всё ещё рано
И лучшие журнальчик пока полистать?
Бывают понятные, явные книги,
Кого-то же надо читать между строк.
Есть ноты – сплошные оттенки и лиги,
С листа прочитать их не каждый бы смог.
Наш мир весь наполнен загадкой и тайной,
А жизнь в нём – лишь самый длинный урок.
Ничто не поверхностно и не случайно,
Попробуй лишь только взглянуть между строк.*

Н. Кривец, украинская поэтесса.

**Все люди – как книги... чудеснейший образ!
Другого «прочесть» – вот что значит любить...
Способность познать позабыта давно в нас,
Мы в буднях привычно друг другу чужды.
Прочесть чью-то душу – немыслимо сложно.
Кого-то познать – это нравственный труд.
Кому-то отдаться душой невозможно
Привыкнув общаться и жить «на лету».
Кого-то «читая», невольно страдаем —
Вживаемся в душу его и судьбу,
Несчастья его как свои подбираем,
И в сердце своем его тушим тоску.
Мы жить не страдая обычно желаем,
И хрупкий покой наших душ сохранить чтоб,
От долга святого трусливо сбегаем —
В «другого» как в книгу вчитаться и вникнуть.
Как много нечитанных книг пропадает —
Название не броско?.. рукой не достать?..
Признаюсь, что в тайне нередко мечтаю
Однажды прочитанной книгою стать.
«Поэмы», «рассказы» и даже «романы»,
Лежат непрочитанно пыль собирать,**

И не потому что, быть может, бездарны —
Мы в книгах души разучились читать.
Нам чтение – забава, времяпровождение,
Мы сутью боимся свой ум тяготить,
И книги, и люди нам – просто забвенье...
Так странно ль, что мы разучились любить?
Боясь отдавать и душою трудиться,
Боимся в кого-то вникать глубоко.
Мы лжи пишем повесть на жизни страницах,
Привыкнувши жить и общаться «легко».
Прочтение другого – одна лишь обуза,
Опасно себя ненароком спросить:
А что я такое, в душе моей пусто,
Иль все-таки есть что отдать, подарить?
Постылые будни, дела и заботы,
Привычно нам век в пустоте коротать...
Страшимся общенья, которое может
Нам трудных вопросов немало задать.
Живешь, не прочитанный и нераскрытый,
Обложкой судьбы – о другую судьбу...
Мы судьбами смежные, а не единые
Ютимся друг с другом на лютном ветру.
Мы рядом друг с другом, не зная друг друга,
Быть с кем-то все ж лучше, чем быть одному.
Познать – это страшно, признаться – как будто
В мгновение увидеть судьбы пустоту,
Привычную ложь, одиночества ужас,
Который хоть с кем-то стремимся забыть,
И как приговор – безысходную чуждость
Всех тех нам, с кем выпало путь разделить.
Бывает – вокруг лишь пустые страницы,
Признаться же в этом так часто нет сил,
И сами мы пишем на них, чтоб забыться,
Поверить, что с кем-нибудь близок ты был.
Кого-то познать – это значит ответить,
В себя пропустить и в себе пережить,
Кого-то познать – это может отвергнуть,
А может нежданно найти, полюбить.
В уменье «читать» чьи-то души – надежда
На встречу, на близость и может любовь...
Влачим мы, душою слепцы и невежды,
Нечитанных судеб томящую скорбь.
Вглядеться в «другого» и вжиться в «другого» —
Актерский талант и общаться, и жить,
Привыкнув держать наши души в покое,
Давно разучились мы и . *знать любить*
Мы – рябь на реке повседневных скитаний,
Привычно слепы, холодны и чужды.
В нас будней усталость весь вкус отбивает

К прочтению чьей-то души и судьбы.
Да, люди – как книги, но мы разучились
Читать эти книги, их смыслами жить.
«Невежества» стены и рвы погубили
Надежду для нас обрести, полюбить.
Да, люди как книги – кого-то поставим
На главное место, для вида и блеска,
Кого-то в прихожей у стойки оставим —
От скуки одной лишь, не из интереса.
Кого-то за первые книги заставим,
Не выкинем – может, когда пригодится,
Тут главное – вовремя с чем-то поздравить,
Чтоб «томик» от времени не запылелся.
Кого-то откроем – ну очень уж модно,
Прочтем восхищаясь, конечно, притворно —
Ах, что же за чудо, уж верно он гений!
И так изойдемся, что в это поверим...
Вот книжечек старых, потрепанных стопка
Держать ее дома – как-то неудобно...
И пахнут, и место зазря занимают,
Есть склад, говорят, их туда принимают.
Бывает, что книга – вселенная смысла,
Кому-то же – чтиво, от скуки забава,
Бывает – за книги воюют и гибнут,
Бывает, что ими столы подпирают.
Бывает такое, что ищешь ты книгу,
Чтоб в смыслах ее заблуждать, утонуть....
Тебе же на выбор – дешевое чтиво,
В котором ищи – не отыщешь ты суть.
Да, люди как книги, и часто их судьбы —
Как судьбы тех книг у них дома на полках,
Что многие годы пылятся, не нужны,
Прочтенными быть ожидая... и только!
«Прочесть» человека – священна работа,
Как будто проникнуть, как будто познать,
Как будто бы стать сопричастным кому-то,
Частицу себя – но не будто! – отдать.
Читайте ж друг друга, как книги читайте,
Как в мир углубляйтесь друг в друга, любя!
Читайте запоем и не забывайте —
Как вдох эта жизнь коротка, коротка ...

ОДА К ОКРЕСТНОСТЯМ КОРИНФА

Деревенька, деревенька —
Куст ленивый лижет тенью,
Звон церковный под горой,
И блаженнейший покой.
Нет ни спешки, ни движенья —
Лишь прозрачайшее мленье
Далей сизо-голубых.
Ветер, да и тот затих.
Нет терзаний. Нет тревоги.
Старцы древние, как боги —
Величавы и дремны
На отрогах Тишины.
Разливаясь между веток
Будто робкий малолеток
Вечер начал наступать.
Миг как Вечность. Благодать.
Пятачок Пелопоннеса —
Склоны скал прибрались лесом,
Гребни снежны, между них
Тайны мира лик приник.
Тут истоки: каждый камень —
Как вопросник на экзамен,
Вид – легенда, высей сфера —
Словно строки из Гомера...
Что ни имя – как сказанье,
Что ни выступ – указанье
На историю веков...
Взгляд касается основ...
Перешейк Пелопоннеса...
Древней Аттики предместье
И истории пролог,
Что написан между строк
Горной сини, капителий,
Бёмы Павла, элевтерий,
Цельнотесанных колонн,
Где всевластный Аполлон
Блики солнца как дыханье
Тайн предвечных мирозданья
Щедрой чашею разлил...
Мрамор нам их сохранил.
Край земли... Пелопонесье...
Центр Вселенной... словно место
Где начало и конец,
И гармонии венец.
Тут и время, и пространство
Пораженные убранством

Моря, гор, небесной сини
Утомились и застыли...
Тут остаться б и забыться,
Пантеистом стать и слиться
С совершенством бытия...
Вдруг не хочешь никуда,
Понимаешь, что добрался,
Все нашел, что обыскался...
Тут покой, венец пути,
Больше некуда идти.
Пятачок Пелопоннеса...
Раствориться б здесь безвестно,
Тут причалить бы на век,
Взять какой-нибудь обет,
Позабывать тоску и горе...
Сыр, искрящийся как море...
Кровь крепящее вино...
И желанье лишь одно —
Что бы миг блаженства этот
И покой вечерних веток,
Сладость солнца, синь горы
Не кончались... но увы —
Лишь иллюзия забвенья.
Жизнь – движенье, времененье,
К смерти каждый миг ведет...
Как не хочется вперед.

К ОСЕНИ...

Прекрасная осенняя погода...
Пусть тучи тяжелеют надо мной,
Пусть капли с ленью томной, понемногу
Сочатся на брусчатку мостовой,
Пусть ветер оплеухой, норовливо
Накатит на меня со стороны....
Твоя прелестность холодна и чуть тосклива —
Но в этом, осень, нет твоей вины...
Пронизан воздух свежестью и зелень
Крепка как нашатырь, ласкает вдох...
Тревог и дум смятенное движенье...
Тобой я, осень, снова занемог.
Писать и думать. Чувства приглушенны
И матовы, как бархат дорогой.
В тонах твоих свинцовых растворенный,
Я пьян твоею мудрою тоской.
Как мало надо осенью! Чтоб теплый
Тебя ждал дом – желанен, недалек.
Чтоб разговор о жизни умудренный
Забрел, ища тепла, на огонек.
Чтоб этой властной, холодной порою
Надежды согревали угольки....
Мы мучимся осеннею тоскою,
И истину черпаем из тоски.
Твоя тоска мудра, царица осень!
В ней временность и ценность бытия,
В ней знания трагического проседь
Которое обрел так рано я.
Безжалостно ты осень обнажаешь
То, что мы в буднях прячем от себя —
Дорогу к смерти... будто заставляешь
Вглядеться в жизнь и жить, ее ценя.
Твоей печали влажное дыханье,
Тоска листвы, измазанной в меду,
Мне возвращают жизни осознанье,
И ощущение жизни глубину.
Пространство, время, будничное рвенье,
Движение куда-то впопыхах —
Все замирает... важно лишь горенье
Огней окон и жар из очага.
Как чувствуешь ты осень и ценишь
Жилища неприступность и уют!
Природы испытаний не отменишь —
Так ощути их смысл и красоту.

НАВЕЯНО ПАМЯТЬЮ, НАСТОЯНО НА НАСТОЯЩЕМ...

Жить бы в Риме... пить бы кьянти,
Хоть раз в месяц – в Ватикан...
Утром – Форум, вечер – в Спаде
Восторгаться полотнам...
Раз в неделю взглядом свежим
Пробегать по Авентину,
Ну, а после – в старых термах
Слушать графа каватину...
Никогда бы не устал я —
Рим за жизнь не обойдешь...
Каждый камень тут – как тайна,
Не увидишь – не поймешь...
Красоту как повседневность
Я пьянея бы вдыхал,
Позабыв тоску и ленность
Миг как вечность б проживал...
И среди веков дыханья,
Под молитвы красоты
Позабылось бы страданье,
Навестил бы жизнь смысл...
Но увы, пленен судьбою
Я средь лысых, мрачных гор...
Взглянешь – крик подступит к горлу...
С ними долгий разговор
Каждый вечер муэдзины
Словно голосом моим
Начинают... тоны длинны,
И гнусавы, и грязны...
Вточь как это завыванье
На сфальшивленных тонах
Жизнь бесследно утекает
И теряется в горах...
День за днем... за годом – годы...
Ниоткуда в никуда...
Без последствий и покорно...
Словно пыль... или вода...
Горы эти – злые горы...
Сколько крови между них
Пролили безумства, споры,
«Боги» этих и других...
Вопли ненависти, мести
Не стихают между скал...
«Божьим» кличут этот место...
Глотки пьяных зазывал...

Пьяных злобой, пьяных ложью...
Нет любви – и бога нет!
Превратили «волю божью»
В окровавленный кастет.
«Наше!» «Наше!!» «Пламя веры!!»
«Кровь отцов!!!» «Нам мечь – завет!».
Проклинаю лицемеров —
«Бога» в вас в помине нет.
Жизнь в под «стягом божьим» *ничто*
Превратилась здесь давно...
Тут убийцы осторожны,
С благочестьем заодно...
Тут убьют, благословившись,
В спешке требник прошептав...
Кто-то – даже извинившись:
Надо, мол, а не со зла...
Тут закон – увы, не совесть,
Не любовь, а «путь отцов».
Торопясь его исполнить
Окунают в кровь лицо.
В красоты прозренных формах
И в закуполье небес
Больше бога, скоморохи,
Чем в «акбар» или в «шабес»...
Когда мукой душ бессонных
Мы рождаем красоту,
Мы близки и любы богу,
Коли есть он... Подведу
Я итог бурлящим мыслям —
Бог – любовь... сейчас, сейчас...
Вот! *Любовь – она есть сила*
Созидающая в нас...

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА...

*Да, Рим велик, прекрасен безгранично,
Там каждый камень – древностью сквозит,
Не в том ль его безумное величье —
Что он не меньшей кровью омыт?
И если б не великие творенья,
Покрывшие весь город с головой,
Истории кровавой откровенья,
Текли бы ядовитую струей.
Пусть в Ватикан и в Рим ведёт дорога,
Пусть святость и любовь теперь на «ты»,
Но там сперва чужого били Б-ГА,
Чтоб своего повесить на кресты.
М. Ицикович, израильская поэтесса.*

**Ты как всегда права, подруга!
Твой стиль возвышенной, чем мой,
И мысль ясней... я лишь немного
Рискну продолжить за тобой.
Моих и тени нет сомнений
В том, чем был Рим в реке столетий...
Что лжи кровавой изощренья
Рядились в «божии заветы»,
Что дьявольских страстей обличья
В церковных митрах и тиарах
Кострищ огнем, как день привычным,
Вершили суд свой и расправу...
Что «божьим именем» грешили
На протяжении веков,
Свободу духа им душили,
Крутя распятыя для оков.
Мы помним Папу Александра...
Да только одного ль его!
А светлый гений Караваджо —
Как был затравлен, выжит он!!
Все это так. Но в том загадка,
Что среди крови, пыток, лжи,
Любви дарили без остатка
Себя в нем лучшие умы.
Что там, где жгли Джордано Бруно —
На рынке Кампо делла Фьоре —
Писали Галло, Греко, Рубенс,
И рядом, в маленьком соборе,
Шлюх и убийц рисуя лики,
В своем новаторстве отважном
Кляня, дерясь с церковной кликой**

Писал панно сам Караваджо.
Творенья гениев великих
Среди застенок и костров,
Грехов святош, средь лжи и пыток
Рождали совесть, труд, любовь.
Таков наш мир, ведь в «римской» власти —
Всей власти дьявольская сущность,
С благочестивой миной страсти,
Святош распутство и преступность.
Тут смысл глубокий проступает...
Мир – как он есть... в нем лишь любовь
Нам о себе напоминает...
Свет льется там, где льется кровь...
Ты пишешь – «если б не творенья...»
Но в этом, друг мой, в этом дело!
Ведь возвышает вдохновенье
Мир, что был создан неумело...
Пусть крови было здесь не меньше,
Вражды... греха... где его нет?
Но очень много в этом месте
Напомнит, что есть Человек.
Тут над историей кровавой,
Над властью догм и прегрешений,
Над фанатизмом клерикалов,
Царит величие свершений
Людского духа, созиданья...
Тут все об этом говорит...
Тут необычно покаянье —
Оно свершает и творит...
А что у нас... средневековье
В людских сердцах, делах, умах...
И реки крови — *в настоящем*
Не на великих полотнах...
Тут зуб за зуб, за око – око,
Тут мракобесие в умах
Подчас кончается жестоко —
Кровавым следом на ножах
И кем-то, заживо сожженным,
Чтоб веру предков освятить...
Тут нет без ненависти бога,
И святость в том, чтоб отомстить.
Проходишь улицами Рима
Ты потрясенный тем трудом,
Которым дух людской незримо,
Из века в век, за домом дом
Его наполнил... Те, чьи силы,
И труд, и вдохновенья взлеты
Его когда-то возводили,
Тебе нашептывают что-то...

Что ты? Где жизнь твоя, прохожий?
Как ты живешь? Что ты сумел?
Ты день оставив что-то прожил,
Или напрасно он сгорел?
Пред тем, что создано любовью,
И в вечности осталось все ж,
Своей судьбою, жизнью, болью
Ты будто бы ответ несешь.
Толпы безликой страсти гневные —
Вот, что я вижу здесь в окне.
Где тут любовь и вдохновение?
Где Красота? Где Человек?!
Лишь перепрелые святыни
Гноятся ненавистью, злобой...
То муэдзины, то раввины
Гортани рвут, крича о «боге»...
Какой тут Бог?! Тут человека
С огнем и днем не отыскать!
Бог есть любовь, любовь – от века
Нас побуждает созидать.
Не мстить за «веру» и «святыни»,
Не жечь противников огнем,
Но видеть вечность в том, что ныне,
И плодonoсить день за днем.
Поэтому то в мире «дольнем» —
Приюте боли и вражды —
Мы близки к богу лишь любовью,
И созиданьем Красоты.
Величье Рима – не на крови...
Труд поколений и веков...
Титаны духа будто в споре
Его создали... из дворцов,
Мостов, скульптур, великих храмов,
Картин, панно... тут длинен счет.
Тут велик. Тут славу *труд* *гений*
Принес навечно. Что ж – итог:
Моя подруга дорогая!
Тебе понравится ли, нет —
Приехав в Рим, мы вспоминаем,
Что ты такое, Человек.
Так помни же, моя подруга,
Чтобы не спорили мы вновь —
То, что в себе зовем мы «богом»,
Есть созиданье и любовь.

ОКОНЧАНИЕ ТОГО ЖЕ РАЗГОВОРА...

*Что тут скажешь, можно много или ничего.
Человек – червяк и ангел, смысл и говно.
Ищем мы в крови, в навозе чистоту души.
Так они и «происходят», новые «вириши».*

А. Корнев. Эпиграмма на предыдущие стихотворения.

**Пожалуй, нету настроенья...
Я волю дам чужим словам:
«...Всех низких истин мне милее,
Нас возвышающий обман...».
И вот еще – о днях поэта,
Когда он в пошлость погружен:
«...Среди детей ничтожных света,
Быть может всех ничтожней он...»
Быть может, лишь себя придумав
Средь грязи, крови и теней,
Обманом путь во мгле нащупав,
Мы превращаемся в людей...
Быть может, просто притворившись,
Вживаясь в совесть, словно в роль,
Переигравши ли, забывшись —
Мы вдруг становимся собой...
Быть может, истово пытаюсь
Смысл на дне бездны разглядеть,
Над ней себя мы поднимаем
И побеждаем мрак и мреть...
Быть может, глупо и наивно,
Мы ищем то, чего и нет...
И вдруг находим – неизбывный,
В самих себе горящий свет...
Тогда-то, отсветом глубинным
Любви, надежды, чистоты,
Мы в этот мир, враждой томимый,
Привносим тайну Красоты.
В исканьях смысла своды храмов
Встают над суетной землей...
Над злобным и привычным гамом
Летит звук чистый и живой...
Мы то, чем выбрали себя мы,
И то, чем создали себя...
Бездонны мы, потенциальны,
Едины в нас и свет, и мгла...
Бездонны в нас жестокость, подлость,
Бездонны реки зла и лжи...**

**Бездонна тайная способность
Творить, искать, давать, любить...
Мы – свет и мгла, любовь и бездны
Над нами гибельная власть,
Мы ангелы, а часто – бесы,
Мы то, что мы смогли создать...
Быть может – истины банальны,
И очень уж банален слог...
И строки блеклы и бездарны...
Но удержать себя не смог...**

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Измученный пылью и солнцем пустыни,
Гортанными воплями мулл и феллахов,
Пускаюсь я в путь, что являлся доныне
В мечтах мне, во снах или в сладостных страхах..
Быть может, туманные дали Парижа,
Альпийские скалы и римские пьядцы
Явят благосклонность и станут мне ближе...
Я старый бродяга, чего мне бояться...
Бездомный скиталец, я счастлив тем домом,
Которым весь мир уже множество лет
Мне стал... с той секунды, как только
Я страх перемен задушить смог в себе.
Я в поисках счастья ходил за три моря,
Как древний варяг на вертлявой ладье...
Нашел я за морем одно только горе
И повесть судьбы написал по воде...
Но путь неизменен – мне отблеск надежды
Мерцает, пока я дышу, за волной.
Поэтому – в даль, в неизвестность, в безбрежность...
Дорога мне стала навеки судьбой.
Быть может, найду я причал... кто же знает...
Но что-то безжалостно мне говорит —
Тому суждены лишь скитанья без края,
В чьем сердце дорога, чья сущность – в пути...
Хотел я покоя... мечтал о покое...
Ногами стоять чтоб на твердой земле...
Но жизнь моя – бурное, зимнее море,
С волны на волну – будто к новой беде...
Пускай же дорога, пускай испытанья!
Мне легче вздохнуть выгребать среди волн,
Когда бесконечность скрывает туманный,
Но полный хоть утлых надежд горизонт...
Страшна мне запутанной доли загадка,
Как будто проклятье – вот только за что же?! —
В ней долгие годы царят без остатка
«Наверно», «надеюсь», «посмотрим», «быть может»...
Есть люди – деревья, что корни пускают,
Судьбою срастаясь с материнской скалой,
Годами как дети ее укрывают
Надежд и мечтаний опавшей листвой.
Есть люди – как в неба бездомности птицы,
Их жизнь – движенье, а ветер – судьба...
Их путь – бесконечно к чему-то стремиться
Нигде не осев и не свивши гнезда...
Что лучше... Но кто же здесь сможет ответить?
Чей суд беспристрастней? Чья правда верней?

**Есть жизнь одна перед мукою смерти,
И все, что мы можем – готовиться к ней...**

ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Париж накрывает туман....
И тонут в нем шпили соборов,
И темные луврские крыши
Скалистой громадою в нем
Как тайна времен проступают,
И бурные волны свои
В нем прячет красавица Сена...
Париж обнимает туман...
Промозглый, январский туман
В ветвях Тюильрийского Сада,
На окнах Пале-Руайяль,
На Генриха бронзовых шпорах,
Над старым мостом оседает...
Как занавес сцену веков,
Великих и страшных событий —
Париж застигает туман...
И чудятся, кажутся мне
В холодном и липком тумане
Костры тамплиеров на Сене,
И ужасы луврской резни,
И лязг гильотины, и звуки
Падения башен бастильских...
И гордая поступь монархов
Вдруг чудится, кажется мне...
Весь город становится вдруг
Как будто ожившей легендой...
Как будто Кольбер и Вольтер
Сошли с своих пышных надгробий,
Как будто бы Старый Людовик
Из окон дворца Консьержи
Опасливо смотрит на берег...
Все словно меняется вдруг...
Как будто Марго Валуа
Вдоль окон дворца, что над Сеной
Шагает ревниво и ждет...
Как будто не площадь Вогезов,
А старый Шато де Турнель
Вдруг снова сложился из камня,
И падает на смерть сраженный
Там Генрих Второй Валуа...
Париж застигает туман.
Как будто бы вечности холод
Окутал вдруг поступь столетий,
Заставил ее замереть...
Как будто бы пленка застряла
На первом сеансе Люмьеров

И публика замерла в зале...
Париж покрывает туман.

СТРАННОЕ...

Посвящается И. С.

Как легко обвинять... как недолго судить...
Книжной мудростью умные смолоду —
Знаем точно за всех как им правильно жить,
Поучаем в лицо и без повода.
Мудрость будней житейских практична, проста,
Следуй ей – не изведает горестей:
Жить «как все», чтоб со всеми река понесла,
И не думать излишне о совести.
Надо думать, конечно! Но только о том
Как удобно и с толком устроиться.
Смерть... страшна! Но ведь будет когда-то , *потом*
Что ж о ней загодя беспокоиться!
Прогоняй от души и от мыслей своих
Все, что к цели замедлит движение.
Что ты ищешь?! Ведь цели просты и ясны,
И глупцом лишь владеют сомнения!
Не рискуй, не решай, не ищи и на грудь
На свою не бери ты чрезмерное.
Будь «как все», проложи осторожный свой путь
К очевидным благам повседневного...
Кто излишне свой взгляд обращает наверх —
Неизбежно о камень оступится...
Не по кромке ходи, а по твердой земле,
Пусть порывы скорее забудутся.
Погуби, умертви ты в душе своей все,
Что судьбы может лодку раскачивать —
Проползти-то верней, чем пытаться орлом
В высоте пируэты оттачивать!
Что там?.. Гордость задета?!.. Платок носовой
При кармане держи и не скомкивай:
Когда рубль в руке и «косой» под полой —
И плевков не покажется горьким нам.
Целью близкое ставь, а о смерти – забудь,
Помни – только в успехе есть истина.
Прогони от себя все, что путает путь,
И в практическом смысле бессмысленно.
Что-то гложет, тревожит подчас изнутри?
Так пошли это к бесовой матери!
Счастья ясен рецепт: меньше думай – живи...
И познаешь его обязательно!
Прописная житейская мудрость проста...
Не граничит вот только ли с глупостью?
Неужели бездумность «мудра» и «сильна»,
Ну, а мудрость – тождественна трусости?

Как не прячь ты от подлинной жизни глаза,
Как не тужься бездумно и счастливо жить,
Но тебе умирать и тебе отвечать,
Неизбежно навеки тебе уходить.
Жизнь одна нам на вечные веки дана —
Так куда, и зачем, и как можно бежать?!
Пусть со «зрячестью» боль нам одна суждена
И пусть «жить» означает искать и страдать.
Что же делать, коль разум, свобода и дух,
Словно тонким канатом над пропастью,
Пролагают над болью и мраком наш путь,
Неизвестность даря нам как будущность.
Тот, кто , кто решает и ищет, идет *сам*
Сознавая дороги конец и судьбу —
Перед ужасом бездны стоять обречен,
Каждым шагом своим он идет через мглу...
Мудрость будней... наивный и утлый приют
Ты бездумности, трусости и слепоты.
Ты верна для того, в ком свобода и дух
Безнадежно дремны, беспробудно мертвы.
Ту же мудрость, которой и вправду живем,
И привычны в ней силы и свет находить —
Чтоб ее обрести, нужно стать дураком,
Что не знает, что делать ему и как жить.
Мы ее познаем через ад, через боль,
Испытанья, исканья, лишения...
Ее голос – по детски растерянный вопль...
А расплата – судьба и решения...

КСЕНИИ СОБЧАК, В «ЛИЧКУ»

Да он же не виновен! О чем вы, про что?!
Зачем ему ссориться с Мёркель?
Живой и здоровый, был вреден Немцов,
Но менее все же, чем мёртвый.
Какой-то политик, каких-то рядов...
Да кто он такой, чтоб от скуки
Свободно любимый и избранный вождь
Марал свои царские руки?!
Теперь он – идея, он символом стал
Прозападной, чумной заразы...
Они – коль могли бы – его наповал
Убили б не раз, а три раза!
Ведь шуму то сколько, и горы цветов
Лежат вдоль сиятельных окон,
И каждый придурок – «жо свис э Немцов»
Цепляет на спутанный локон.
И на реку чудный, божественный вид
Теперь безнадежно испорчен —
Хоть враг, но был все же там кто-то убит,
Не взглянешь, лица не поморщив...
Примите же это, не множьте навет,
Наслушавшись западных змеев!
Простой и доступный вам дан аргумент,
Понятен он даже для геев!
Короче, «верховный» – он тут ни причем!
Хоть кто – а не он, хоть убейте!
Кадыров, Обама, Давид Камерон,
Но только не Путин, поверьте!
Ему то зачем?! Ну раскиньте умом,
Не весь же вам Запад оттяпал!
Обама проклятый, конечно же он!
Мы зрим его черную лапу!...
Ты знаешь, Борис, оскорбительно тут,
Что день после смерти внезапной
Не только враги эти бредни несут.
Твоих же товарищей ратных,
С тобою деливших опасность и риск,
И метры московских бульваров,
Мы слышим трусливый, испуганный писк
В свободных от СМИ кулуарах.
А что они в камеры, людям несут!
Таких и пугать то не надо:
«Не видим конкретно виновного тут,
И ненависть – та виновата».
Конкретно – никто, атмосфера одна.
Тут «все» и «никто» воедино!

Она на обойму тебя навела,
Она из машины палила,
Она разрядивши шесть пуль на тебя,
Подругу твою не задела,
Она же из царственных окон Кремля
На казнь твою подло глядела.
Она тебя вечером шумной Москвы
Наружкой вела к месту казни.
Врагом атмосферы залятым был ты,
Что ж может быть в жизни опасней!
Давайте ж помиримся – правды бойцы,
В костюмах от Пьера Кардена,
Убийцы во властных мундирах и ты,
Что их материл неизменно.
Пусть память твоя нам не кинет упрек,
Что к миру с убийцей призвали,
Убийцей назвали его между строк,
А вслух же – другое сказали.
Ведь надо же всем под луной выживать...
Пусть власть явит мудрость и милость —
Отпустит чуть гайки, чуть двинется вспять,
Чтоб все потихоньку забылось.
И в этом одном – превеликий успех,
Тебе светлой памятью будет.
Понес ты за всех за нас грешных свинец
Под вольно дышавшею грудью.
Когда-нибудь время настанет и мы
Всё скажем прелюдно, открыто —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.